

Экономическое и социальное развитие

В. Г. Тельминов

«*Exceptum caviumve est nei divideretur*»: какие земли были изъяты Гаем Гракхом из сферы действия аграрной реформы?

Основные сведения об аграрной реформе Г. Гракха мы черпаем из текста закона Тория, сохранившегося на бронзовой табличке (*tabula Bembina*)¹. Из него, а также из литературных источников² мы знаем, что земельная комиссия под началом Г. Гракха в 123–121 гг. продолжала аграрные преобразования, начатые еще Тиберием, которые заключались в конфискации участков общественного поля, незаконно занятых богатыми землевладельцами сверх установленного максимума, и основано на этих землях новых колоний для малообеспеченных римских, латинских граждан и италиков. Чтобы составить по возможности наиболее полную картину аграрной реформы Г. Гракха, необходимо знать, какие земли вовлекались в сферу действия реформы³, а какие нет.

В первой статье закона Тория законодатель определяет общую сферу действия данного закона⁴ границами общественного поля в том виде, в каком они существовали на момент начала гракханских аграрных преобразований, в 133 г. до н. э.⁵ В таком случае понятно, что будут учитываться реформы обоих братьев. В то же время, мы читаем про особенную роль Г. Гракха, который в свое время изымал из сферы действия своей реформы какое-то поле (*eis ager*); данное изъятие продолжает учитывать и законодатель в 111 г. при определении сферы юрисдикции своего закона⁶. Итак, что же

¹ *CIL I*, № 200, 585. Главной целью закона Тория (Аграрный закон 111 г.) было перевести в статус частной собственности участки, полученные на правах аренды в ходе гракханской аграрной реформы. Хотя закон Тория и продолжал учитывать отдельные положения гракханского закона, фактически же он был реакционным, так как задавал иное направление аграрной реформе: Гракхи запрещали куплю-продажу участков общественного поля, полученных колонистами, тем самым отстаивая целостность общественного поля и защищая владельцев новоприобретенных участков от попыток богачей скупить их под латифундии.

² *Gromatici Veteres* (La), I. Berlin, 1848. p. 136. Plut. Gracchi. 29. Flor., Ep. II, 3.

³ Под «действием реформы» в данном случае понимается ее главная компонента, то есть конфискация незаконных владений с последующим поселением на этих землях колонистов. Как мы увидим далее, «изъятие» этих земель, однако, не означало совершенного отсутствия их законодательного регулирования со стороны Гракха.

⁴ Или, по крайней мере, его первой части (ст. 1–42).

⁵ *Lex agr.*, 1 (*Lex agraria a DCXLIII A.U.C.* («Аграрный закон 111 г. до н. э.») *CIL I*, № 200, 585. Предисловие, латинский текст, критический аппарат – О. Саки. Русский перевод и примечания – Т. Г. Мякин // *IUS ANTIQUUM* (Древнее право). № 1(17). М., 2006. С. 224–273): «*quei ager publicus populi Romani in terra Italia P. Muucio L. Calpurnio cos. fuit*». Также: ст. 3–6, 11, 13, 15, 16, 19–21, 22–23, 27, 33.

⁶ *Lex agr.*, 6: «*extra eum agrum, q uei ager ex] lege plebive scito, quod C. Sempronius Ti. f. tr. pl. rog(avit), exceptum caviumve est nei divideretur*». См. также восполнения в ст. 1, 3, 4, 7, 13, выполненные на основе этой строки, которая единственная (не считая строки 22, в которой эта формула сохранилась чуть хуже) донесла до нас в почти полном виде эту важную клаузулу.

Тельминов Вячеслав Григорьевич, аспирант Новосибирского государственного университета.
E-mail: telminov_88@gmail.com

© В. Г. Тельминов, 2011

представляло из себя это изъятие из раздела земель «в соответствии с законом или плебисцитом, предложенным плебсу Г. Семпронием, сыном Тиберия, плебейским трибуном»¹?

Среди ученых встречается мнение, что «земля, изъятая из раздела», была технической термином, за которым стоял целый ряд разных типов общинных земель, которые Гракх оставлял в нетронутым виде, что было несомненным демократическим шагом с его стороны². Но тогда трудно объяснить, почему в целом антидемократический закон Тория сохраняет в силе это установление Гракха. Мы, однако, полагаем, что формула «*exsertum cavutumve*» (было предусмотрено или определено, что оно не подлежит разделу) указывала не на вышеуказанные общинные земли (в законе Гракха гарантия их неприкосновенности описывалась, скорее всего, какой-то другой, более подробной клаузулой), а целые земельные массивы в разных частях Италии. Видимо, именно этим изъятиям обьязано сохранение обширного фонда общественных земель³. К. Брингманн считает, что изъятие Г. Гракхом из сферы действия реформы кампанского поля и земель, отданных союзникам, являлось главным условием придания всей реформе эффективности, так как уладить споры по поводу этой земли было все равно невозможно, и это парализовывало всю деятельность⁴. С. Шапиро даже считает, что Г. Гракх, изъяв из раздела спорные земли, фактически полностью изменил характер деятельности комиссии, кардинально сместив акцент с раздела италийских земель магнатов на вывод колоний на пустые и брошенные участки в Кампании, Апулии, Лукании⁵.

Итак, смысл изъятия был в том, чтобы вывести определенный массив полей из сферы действия реформы Г. Гракха. Таким образом, изъятие было осуществлено еще до того, как началось выведение колоний, иначе бы оно не имело смысла. Почему было принято такое решение? Мы допускаем, что ввиду сложностей, с которыми столкнулась комиссия Тиберия⁶, Г. Гракх дей-

¹ «...extra eum agrum, quei ager ex lege plebeive sc(ito), quod C. Sempronius Ti. f. tr(ibunus) pl(ebei) rogavit, exsertum cavutumve est nei divideretur» (Lex agr., 1, 2, 3, 4, 6, 13, 22).

² Мякин Т. Г. Гракхи и народ. Статья вторая // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. Т. 9, вып. 1: История. Новосибирск, 2009. С. 16.

³ «Несмотря на очень значительные наделения и продажи земли из фонда общественного поля, даже еще при Принципате сохранялись в Италии остатки старого общественного поля, хотя они состояли теперь не из пашни, которая была так или иначе давно роздана, а из лесов и горных пастбищ; с них продолжали в казну поступать налоги» (см. об этом: Gromatici Veteres... s. 21, 136–137). См. также: Cic. de Leg. Agr. II. 29, 81: «qua de causa nec duo Gracchi qui de plebis Romanae commodis plurimum cogitaverunt, nec L. Sulla qui omnia sine ulla religione quibus voluit est dilargitus, agrum Campanum attingere ausus est».

⁴ Bringmann K. A history of the Roman republic. Cambridge, 2007. P. 163.

⁵ O tempora! O mores!: Cicero's Catilinarian orations. A Student Edition with Historical Essays. University of Oklahoma Press, 2005. P. 133. Шапиро, однако, не учитывает того факта, что колонии как раз выводились на бывшие земли эти магнатов, а не на совершенно пустые земли; об этом напрямую говорит текст закона Тория.

⁶ Именно жалобы союзников и их вмешательство привели к отзыву судебных полномочий у членов первой земельной комиссии: «Ταῦτά τε δὴ καὶ τὰς ἐπὶ τοῦτοῖς τῶν δικαζόντων

ствовал осторожнее¹, что и выразилось в его торжественной декларации (exceptum cavitumve est nei divideretu²), гарантирующей неприкосновенность значительных массивов земли в разных частях Италии. Владельцы участков на этих землях теперь могли вздохнуть спокойно: их землям ничего не угрожало. Хотя бы часть богатых владельцев, таким образом, перестала бы подогревать обстановку напряженности вокруг деятельности земельной комиссии. Здесь уместно поставить вопрос о том, какие именно общественные поля выводились из раздела Г. Гракхом. Можно предположить, что это были плодородные земли в Италии, издавна приносявшие высокий доход казне³. В таком случае причиной выбора могло стать стремление сохранить целостность данного массива за счет того, что на нем оставалось относительно малое число крупных владельцев.

В чем различалось правовое положение земель, полученных гракханскими новопоселенцами и земель, оставленных вне сферы действия комиссии решением «об их изъятии» (est nei divideretur)?

В одном месте у Цицерона читаем о конфликте между владельцем участка общественного поля и откупщиком, который заставлял платить за эту землю

ἐλαΐξεις οὐ φέροντες οἱ Ἰταλιῶται Κορήλιον Σκίπιονα, ὃς Καρχηδῶνα ἐπόρθησεν, ἡξίου προστάτην σφῶν ἀδικουμένων γενέσθαι» (App. В.С. I. 3. 19).

¹Флор, возможно, сознательно гиперболизировал, когда писал, что «пылким мстителем за убитого брата и не менее страстным борцом за его законы тотчас же выступил Г. Гракх. С таким же шумом и яростью он призывал плебс на дедовские земли» (перевод приведен по изданию: *Луций Анней Флор* – историк древнего Рима / Немировский А. И., Дашкова М. Ф. Воронеж, 1977.) (Statim et mortis et legum fratris sui vindex non minore impetu incaluit С. Gracchus. Qui cum pari tumultu atque terrore plebem in avitos agros accesseret). Вероятнее всего, здесь он исходил из логики композиции своих «Эпитом всех войн», для которых сквозной является идея нагнетания и эскалации беспорядков (seditiones), которые, прогрессируя в своей жестокости и разгуле, достигли кульминации в *seditio* Марка Антония (sed patriae, nominis, togae, fascium oblitus totus in monstrum illud ut mente, ita habitu quoque cultuque desciverat. Aureum in manu baculum... – Flor. Ep. II. 21). Сразу после кульминации наступила развязка, т. е. конец гражданским войнам (Hic finis armorum civilium). Таким образом, Флор демонстрирует характеры исторических деятелей тем более необузданными, чем дальше они расположены на этой возрастающей «по экспоненте» лестнице мятежности и безнравственности. Если в общем о законах Гракхов сказано, что они имели «видимость справедливости» (species aequitatis), а Тиберий, возможно, руководствовался «[идеями] справедливости и блага» (sive aequo et bono ductus), то Гай уже был мстителем (vindex), действовавшим с шумом и яростью (cum... tumultu atque terrore) (Flor. Ep. II, 3). Апулей уже характеризуется как «безумный»: «...eo vesaniae progressus est, ut consularia quoque comitia nova caede turbaret (Flor. Ep. II, 4). Об осторожности Гая см. также: Carcopino J., *Autour des Gracques*. Etudes critiques. P. 242–243.

²*Lex agr.*, 1.

³*Cic. Phil.* II. 39, 101: «quoniam quidem hae quondam arationes Campana et Leontina in populi Romani patrimonio grandiferae et fructuosae ferebantur». *Cic. Phil.* VIII, 8, 26: «hic est Campanus ager et Leontinus, quae duo maiores nostri annonae perfugia ducebant».

ренту¹. По закону 111 г., так и не отмененному², на участках, которые из гракханских держаний на общественном поле³ превращались в частное владение⁴, налог в пользу государства отменялся. На этом основании и под этим предлогом не могли теперь требовать денег ни официальное лицо, ни откупщик⁵. Но в письме Цицерона отчетливо говорится о каком-то налоге с общественных полей. Так как все гракханские наделы, с которых по аграрному закону Г. Гракха платили налог в казну, были по закону Тория освобождены от его уплаты, то остается только одна возможность: поле, по поводу которого спорили владелец и откупщик, располагалось на том земельный массиве, который Г. Гракх изъясил из сферы действия своего закона. И, действительно, в строках 24–26 закона Тория мы читаем про «поле или земельного участок, что после принятия этого закона станет общественным полем Римского народа» (*Ager locus quei supra scriptus est, quod eius agraei locae post [h] l. rog. publicum populei Romanei erit*)⁶. За использование такого поля надлежит вносить определенную плату «всякому, кто займет это общественное владение или для пользования, или как арендованное, или (как взятое) на откуп»⁷. Поле, которое «после принятия этого закона станет общественным полем Римского народа», следует, на наш взгляд, отождествить с полем, относительно которого Г. Гракхом «было предусмотрено или определено, что оно не подлежит разделу» (*ager, quei ager ex lege plebeive sc(ito), quod C. Sempronius Ti. f. tr(ibunus) pl(ebei) rogavit, exseptum cavatumve est nei divideretur*)⁸. Закон Тория, таким образом, сохранил установления Г. Гракха в неприкосновенности, подтвердив их⁹.

¹ Цицерон пишет Аттику: «Terentiae pergrata est adsiduitas tua et diligentia in controversia Mulviana. nescit omnino te communem causam defendere eorum qui agros publicos possideant; sed tamen tu aliquid publicanis pendis, haec etiam id recusat» (Cic. Att. II, 15).

² См.: *Lex agraria a. DCXLIII A.U.C...*

³ «...ager locus aedificium omnis, quei supra scriptu[s] est... quei ager publicus populi Romanei in terra Italia P. Muucio L. Calpur[nio] cos. fuit» (*Lex agr.*, 7, 2–6).

⁴ «...privatus esto» (*Lex agr.*, 7).

⁵ «...quod eius... exve h. l. privatum factum est erit ve, pro eo agro loco aedificio proque scriptura pecoris, quod in eo agro pascitur, post quam vectigalia constiterint... nei quis mag(istratus) prove mag(istratu) ... facito, quo quis populo aut p]ublicano pequniam scripturam vectigalve det dareve debeat, neve quis [facito...] quove quid ob eam rem populo aut publicano detur exsigaturve, neve quis quid ... ob eos ag[ros] locos aedificia populo aut publicano dare debeat, neve scripturam pecoris, quod in eis ag]reis pascetur, populo aut publicano dare debeat». (*Lex agr.*, 19–20).

⁶ *Lex agr.*, 24–25.

⁷ «...neive defendito, quo mi[nus] quei v]jelit compascere liceat. Sei quis faxsit, quotiens faxit, in agri iugra singula L[HS n(ummos)] ... dar]e debeto ei, queicomque id publicum friendum redemptum conductumve habebit». (*Lex agr.*, 25). Теренция судилась именно с откупщиком: «...sed tamen tu aliquid publicanis pendis, haec etiam id recusat» (Cic. Att. 2, 15).

⁸ *Lex agr.*, 1.

⁹оборот, использованный здесь, – «Ager locus ... post [h] l. rog. publicum populei Romanei erit» (которое после принятия этого закона станет общественным) (*Lex agr.*, 24–25), необязательно указывает на принципиальную новизну этой категории полей, будто бы они

Точно так же, например, им подтверждались принципы законодательства Г. Граха относительно арендаторов придорожных участков¹.

Таким образом, на полях, изъятых из раздела Г. Гракхом, был следующий режим землепользования. Запрещалось ограждать это поле (видимо, для превращения огражденного участка в пашню). Крупный рогатый скот дозволялось выпасать в любом количестве при условии выплаты налога, на домашний скот в пределах указанного количества это правило не распространялось. Однако у Цицерона читаем: «...qui non Caesaris, sed Antoni acta defendunt, quos avertit agri Campani infinita possessio»². Если Цицерон возмущается теми, кого привлекает – незаконная, по тону Цицероновской речи – неограниченная ок-

появились после 111 г. Эти поля могли существовать и до закона Тория, но, так как он окончательно разнес в правовом плане гракханские владения и «чистые» общественные поля, последние предстали в новом качестве, будучи «очищенными» от той своей части (qui ager publicus populi Romanei in terra Italia P. Muucio L. Calpurnio cos. fuit), на которой располагались держания, чье правовое положение могло трактоваться двусмысленно; потому законодатель 111 г. и говорит, что поле станет [в полном смысле этого слова общественным, то есть однозначной собственностью народа] «после принятия этого закона». И, действительно, в то время как закон Тория подробно разбирает все особенности положения новых частных владельцев, которые действительно были нововведением, он лишь бегло касается общественных полей, даже не определяя их местоположение, как будто это должно быть и так ясно из предыдущего текста. Кроме того, оборот «est eritve» (является таковым или станет), как раз отсылает нас в том числе и к status quo ante. Поэтому мы полагаем, что изъятое Г. Гракхом поле и «поле, которое станет общественным после принятия данного закона (111 г.)» – это одно и то же. Сдача в аренду кампанского поля, относительно которого известно, что оно было изъято Гаем из раздела, была обычной практикой в 59 г. Закон Цезаря, по словам Цицерона, примечателен не тем, что согласно ему очередная часть этого поля сдавалась в аренду, а потому, что он требовал клятвы на верность своим принципам, становясь таким образом универсальным, не терпящим пересмотра: «...habet etiam Campana lex exsecrationem in contione candidatorum, si mentionem fecerint quo aliter ager possideatur atque ut ex legibus Iulii» (Cic. Att. II, 18). См. также: Cic. Phil. II, 17, 43: «...iste agros ereptos rei publicae turpissimis possessoribus inquinavit». Попытки изменить режим землепользования кампанского поля предпринимались и позднее, что возмущало Цицерона (см. Cic. Phil. II, 39, 101) и вызывало сильное сопротивление местного населения, привыкшего к тому, что это поле испокон веков находилось в общем пользовании (см. Cic. Phil. II, 39, 100).

¹ Lex agr., 11–13. Заметим, что и здесь, несмотря на то, что закон всего лишь подтверждал статус кво, в качестве источника права указывался не закон Г. Гракха, а закон 111 г.: «...то пусть на основании этого закона никто не требует, чтобы ... всякий, кто будет цензором, [вносил это поле или земельный участок в ценз... или чтобы названное поле или земельный участок предоставлялись на иных основаниях, чем это есть сейчас] (quove magis censor, queiquomque erit, eum agrum locum in censum refera ... quove magis is ager locus aliter, atque u]tei est, siet, ex h. l. n(ihilum) r(ogato) – Lex agr., 12–13. Точно таким же оборотом «ex h. l.» сопровождался и пассаж о «полях, которые станут общественными».

² Cic. Phil. X, 10, 22.

купация Кампанского поля, то, значит, на нем действовали какие-то ограничения. Быть может, Г. Гракх предусматривал подобные ограничения, и Цицерон знал об их отмене в 111 г., ведь он называл закон Тория «порочным и бесполезным, избавившим поля от налога». В вышеприведенном месте Цицерон сетует на неограниченную оккупацию Кампанского поля, хотя по закону Тория она и дозволялась, возможно, потому, что помнил о «хорошем и полезном» законе Гракха?

Кратко изложим выводы. В аграрном законе Г. Гракха содержалось положение об изъятии массива общественных полей из сферы действия реформы. Тем самым им была гарантирована неприкосновенность в ходе конфискации незаконных владений на общественном поле. В то же время на этих полях ужесточался режим пользования: отдельным владельцам запрещалось ограждать участки этого поля, также вводился налог на выпас скота. Впоследствии Аграрный закон 111 г. подтвердил эти гракханские меры и сохранил неприкосновенность этих полей, в результате чего они существовали вплоть до Цицерона, который оставил важное свидетельство относительно режима землепользования.